



Теймураз ЛАНЧАВА

Выдающийся грузинский писатель — прозаик и поэт, председатель Имеретинской краевой организации Союза писателей Грузии, президент Академии писателей, учёных и деятелей искусств, лауреат многих престижных литературных премий. Его стихи и рассказы переведены на разные языки, в том числе и русский. Международное сообщество писательских союзов и редакция ОЛГ сердечно поздравляют Теймураза Ланчаву с 70-летним юбилеем. От души желаем ему творческих успехов и здоровья!

Когда предвешний лёд
капелью обернётся,
И сумрак измороси окна затемнит,
А после солнце город мой испепелит,
Лишь вздохнуть тогда по снегу остаётся.

Когда камина дрожь погаснет и замрёт,
А дым его у врат небесных растворится,
В золу тоска моя, кручина обратится,
А мысль моя
мечте на помощь подплывёт.

По голубым следам прекрасного пройду,
Спокоен, терпелив, один в цветущем логе,
И если я в пути искомое найду,
То знаю — счастье затрепещет на пороге.

Дыханье мёда и услада дня,
Ты станешь горькой долей для меня.
Кипишь вином пурпурным, слёзы льёшь,
И от тебя порою устаёшь.

Целую в губы — раззадорю пыл,
Меня целуешь — сердца жар остыл.
Ты из груди моей взойдёшь травой,
Озеленишь могилу над рекой.

Ты без меня — одна лишь горесть, грех
И никому не подарить утех.

Из поэмы «Падение Рима»

Владыка мой,
запечатлей на мне лобзание ночное,
Быть может, утро не придёт,
или сожжёт туман зарю...
Открой мне тайну — как достичь
без колесниц небес покоев,
Достигнуть как небесных врат стезей,
подвластной царю?

Владыка мой,
от покрывал исходит запах крови, ложе
Дух смерти, тлена пропитал,
и на одну погибель здесь
И власть твоя обречена,
и всё величие похоже
На загнивающую плоть,
смердящую вчерашний и днешний...
Мой царь, да будет вечно Рим,
а Карфаген падёт, как ране,
Быть может, мир сойдёт с ума
и сам разрушит свой оплот.
В твоей деснице
вижу я восторги ночи ликованья,
Она грядёт, она придёт,
она грядущее сожжёт.
Владыка мой, испепелит твой поцелуй
и плоть, и душу,
Увидишь силу колдовства
моей змеящейся косы,

Она сплелась вокруг страстей,
склонись, я клятвы не нарушу,
Познаешь милосердие
ты моей распахнутой красы.

Так помни:
Пал Великий Рим,
но Рим восстал и существует,
Ты можешь смело предсказать
свои победы в эту ночь.
Не забывай меня с зарёй,
душа по мне да не тоскует,
Когда на землю ступит день,
и эта тьма умчится прочь.

Вы можете не знать —
Кто есть Шопен, кто — Брамс,
И сущность музыки
Не понимать вы вправе.
Не распознать её
На вкус, на цвет, на глаз,
Не жечь души в огне,
Не помышлять о славе.
Вы вправе без неё
Надеяться прожить,
Духовность небесам
Отдавши безвозмездно,
Но — музыке сиять,
Но — музыке дождить,
Снежить, ветрить, царить —
Везде и повсеместно.
И жертвовать собой.

А впрочем, может, вы
Не слышали Гуно
И «Лунную сонату»...
Но помните легенд
Цветистые канвы,
Что вихрем взметены,
К нам сметены когда-то.
Вы можете не знать —
Кто есть Шопен, кто — Брамс,
И цену музыке
Не ведать изначально.
Но музыка — листы
Ночной осенний вальс
И музыка — родник,
Струющийся печально.
И слёзы девичьи,
И звонкий женский смех,
И постук жерновов,
Что мелют тельца злаков,
И в стоне узника,
Что искупает грех
Мы слышим музыку
Небес и зодиака.
В гармонии миров
Распахнута душа,
Но музыкою все
Желанья обозначить
Нам свыше не дано,
И мы живём, спеша,
И музыкою сфер
Мир не переименовать.
Перевод Владимира Саршвили



Алексей ГУШАН

Поэт, публицист, член Союза писателей России, руководитель молодёжной творческой студии при Люберецком отделении МГО Союза писателей России, общественный деятель. Лауреат российских и международных литературных премий, конкурсов и фестивалей. Автор публикаций в федеральных и международных печатных изданиях.

Время Господне

Цветут на окошке герани.
На улице дождь моросит.
Улыбчив юродивый Ваня
На бедных просторах Руси.

День каждый — небесный подарок!
А ночь — благодатный причал.
Свечной догорает огарок,
Который во тьме освещал

Простые библейские строки,
Что бремя Господне легко...
И сыплются хлебные крохи
Для вестников верных Его.

А вестники шумною стаей
Летят высоко-высоко.
Улыбчив юродивый Ваня.
Цветут на окошке герани.
И бремя Господне легко.

На Прощёное воскресенье

Весенний свет, густой и золочёный,
По всей округе разливают мёд.
Сегодня день особенный — Прощёный,
И оттого душа моя поёт.

Собрав с утра простое угощенье,
Иду себе, улыбочив и открыт,
Испрашивать у ближнего прощенья.
— Прости меня!
— Господь тебя простит.

— И ты прости!
— И я, и я прощаю!

— Садись скорей. Обед уже готов.
Сажусь тихонько, сердцем ощущая,
Что полон мир друзей, а не врагов.

Любуясь жизнью, как новорождённый,
Я образ Божий в каждом узнаю.
Как хорошо прощать
и быть прощённым.
Наверно, так же хорошо в Раю!

В ожидании весны

Сосед твердит, что жить в России плохо.
А воробей щебечет: «Ничего!»
Кончается суровая эпоха
Морозного и вьюжного всего.

Да, не сезон, а целая эпоха!
Ведь столько птахе вытерпеть пришлось...
Сосед канючит: «Ну, послушай, Лёха!
Идёт держава наша вкривь и вкось!»

Сижу, молчу и попусту не спорю.
Гляжу вокруг: всё, вроде, как всегда.
Вот рыжий кот пригрелся на заборе.
Вот ребятня играет у пруда.

И бабка Нюра в дедовой фуфайке
Встречать теплынь выходит на крыльцо...
Не стану слушать про плохое байки,
А повернусь к хорошему лицом.

Под Рождество

И снова ночь. И снова торжество.
Сверкая, с неба падают снежинки.

В Диканьке... нет, в Малаховке и с жинкой...
Не так. С женой иду под Рождество

Колядовать. Тулуп. Мешок. Айда
Нести веселье в дремлющие массы.
Вдруг вижу, что сидят на теплотрассе
Два брошенных рождественских кота,
А может, кошки. Дело ведь не в том,
Какого рода Божии творенья.
Я положил пред ними угощенье
И поделился праздничным теплом.

Как ладно в мире всё заведено.
С небес снежинки падают, сверкая.
Иду с женой, а рядышком шагают
Две кошки... два кота... Не всё ль равно?!

В июльском лесу

Я по лесу бреду. Взгляд мой нынче
не к звёздам — к траве.
Не боюсь ни коряги, ни пня,
но всё чаще под ноги
Я смотрю. У забытой делянки,
на старой дороге,
Молодые грибы в перепрелой
таятся листве.

Земляника, черника,
морозика поспели — бери
Хоть в ладонь, хоть в ведро —
изобилие даров не убудет.
Здесь, на щедрой земле,
обитают счастливые люди!
Что за счастье такое?
Да просто вокруг посмотри!

На лесном озере ребятыня,
наловив окуней,
Искупнётся — и мигом домой,
косарям на подмогу.
В праотцовской глуши
понимаешь величие Бога
И незримую связь
с заповедной сторонкой своей.

Лежит в углу иконная доска.
Простая деревяшка — не икона.
Она чиста. Ни одного мазка
На ней не видно.
Досок миллионы,
А образов, чтоб сердце трепетать
Заставили, едва ли много встретишь.
И хочется навечно замолчать,
Когда икону дивную заметишь.

Лежит в углу иконная доска.
Простая деревяшка — не икона.
Вокруг неё безмерная тоска...
Но добрый мастер,
положив поклоны,
Смахнёт с доски уныние и пыль
И примется с молитвою за дело.
А мир, что был бесформенным и серым,
Вдруг обретёт неповторимый стиль.

Твоя рука божественно легка,
О, Добрый Мастер! В жизни запылённой
Моя душа — иконная доска —
Мечтает стать прекрасною иконой.
Возьми её, смахни рукою пыль.
Нет в мире для доски иного счастья!
Поправь лампы гаснущий фитиль,
И чудо сотвори, о Добрый Мастер!